

ИНТЕРВЬЮ С ИНОСТРАННЫМИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ, СРАЖАВШИМИСЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ НА СТОРОНЕ НАЦИСТОВ – ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СВЕНД ЛАРСЕН (SWEND LARSEN)

Интервью взято в Сённерборге, Дания в 1988 году у участника [Зимней войны](#) и бывшего военнослужащего 24-го Панцергренадерского Полка *Danmark*, Дивизия *Nordland*

Спасибо, что согласились встретиться со мной. Прежде всего я хотел бы спросить: что побудило Вас встать на сторону немцев, и, частности, вступить в войска СС?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно, а спустя сорок лет объяснить всё ещё труднее. Мне придётся начать с самого начала. Когда Гитлер привёл НСДАП к политическому успеху, подобные партии начали возникать практически во всех странах. Казалось, что именно эта политическая сила предлагает решения проблем того времени. В Дании существовала [DNSAP](#) — Датская национал-социалистическая рабочая партия, пользовавшаяся весьма широкой поддержкой. Она была резко антикоммунистической, но одновременно выступала в защиту рабочих. Считалось, что необходимо одновременно поддерживать тех, кто создаёт рабочие места, и защищать тех, кто на них трудится. Это была новая концепция, которая постепенно приобретала всё большую популярность. У нас был король, выполнявший в основном символические функции, либеральное правительство и коммунистические агитаторы. *DNSAP* постоянно сталкивалась с нападениями, актами вандализма и цензурой. Из-за этого многие люди предпочитали держаться в стороне и, образно говоря, «прятать голову в песок». Они не хотели подвергаться нападкам только потому, что поддерживали тех, кого коммунисты называли «противниками прав человека». Именно поэтому иногда происходили уличные столкновения, которые продолжались до прихода немцев.

Свенд Ларсен (1921-2009) в период службы в СС и в последние годы жизни

Хочу также развеять ещё одно распространённое, по моему мнению, заблуждение. Сегодня принято говорить, что Германия напала на Данию и оккупировала её. Я считаю, что это неверно. В 1940 году Великобритания планировала оккупировать Норвегию, а Германия опасалась, что затем британцы вторгнутся и в Данию. У Дании были хорошие отношения с Германией, поэтому немцы обратились с просьбой разрешить им занять

страну, чтобы предотвратить британское вторжение. Король и правительство согласились, руководствуясь существовавшими соглашениями, и разрешили германским войскам войти в страну. Разумеется, некоторые части вошли раньше, чем следовало, поэтому местами датчане вступали с ними в бой, однако в целом всё прошло мирно. Немцы освободили всех разоружённых ими военнослужащих и полицейских, а затем вновь выдали им оружие, чтобы жизнь продолжалась в привычном порядке. У меня не было никаких претензий к немцам. Их почти не было видно, и жизнь продолжалась как обычно.

Слева – плакат датских нацистов; справа – агитационный плакат За Данию Против Большеви́зма!

DNSAP получила больше влияния и стала участвовать в управлении страной. Я стал чаще видеть пропагандистские материалы. Они показались мне интересными, поскольку были посвящены, в частности, борьбе с тем, что называлось «еврейским коммунизмом». Я уже тогда был убеждённым антикоммунистом и хотел узнать об этом как можно больше. Именно тогда я понял, что впереди нас ждёт большая война. Россия уже контролировала огромные территории совсем недалеко от нас и, как мы считали, стремилась установить господство над всем миром. Они сами говорили об этом в своей пропаганде, не скрывая желания привести все страны под власть серпа и молота. Из школьных учебников и газет мы знали, что ради построения своей «утопии» в самой России большевики уничтожили многие миллионы людей, и мы не хотели, чтобы подобное случилось у нас.

Я был убеждён, что единственной реальной силой, способной противостоять коммунизму, является национал-социализм Гитлера, и поэтому всё больше склонялся к этой идеологии. Когда Германия и её союзники напали на Советский Союз, я понял, что настало время действовать. DNSAP объявила набор добровольцев в новый легион, формировавшийся в Дании, — [Корпус Свободных Датчан](#)/*Frikorps Danmark*. Я пришёл узнать условия службы и остался очень доволен. Всё основывалось исключительно на добровольном принципе. Корпус входил в состав германских СС, а денежное содержание было весьма хорошим. Хотя может показаться, что я пошёл воевать за Гитлера или Германию, на самом деле это было не так. Я вступил в немецкие войска потому, что только они, как мне тогда казалось, были готовы противостоять угрозе, которая, по нашему убеждению, становилась всё серьезнее. Нам разрешалось носить и демонстрировать национальный флаг, говорить на родном языке и сохранять свои традиции.

Как Ваши семьи и датское общество относились к тем, кто вступал в германские вооруженные силы?

Как я уже говорил, многие датчане ненавидели коммунизм. И хотя далеко не все разделяли взгляды Гитлера, например относительно евреев, большинство понимало, что главная опасность исходит с востока. В Дании существовало весьма активное коммунистическое движение, которое после 1940 года ушло в подполье. Его участники постоянно распространяли листовки с критикой немцев и *DNSAP*. Если их задерживали, они попадали в тюрьму или должны были выплачивать большие штрафы, тем не менее их деятельность была довольно эффективной. Они нападали на дома членов *DNSAP* и людей, сотрудничавших с немцами, например, двое моих товарищей однажды были избиты коммунистической группой, когда возвращались из кино. У них были пистолеты, и они смогли защититься, однако этот случай показывает, насколько активными были коммунисты. Они сознательно действовали подобным образом, понимая, что такие события привлекут внимание прессы и, возможно, приведут к ужесточению законов. Некоторые семьи действительно были против того, чтобы их сыновья вступали в немецкие воинские формирования, но когда ты молод и полон идеалов, ты редко прислушиваешься к родителям. Мы считали, что большинство населения страны понимает причины нашего решения и поддерживает нас, и мы не позволили небольшому числу противников изменить наше решение. Когда мы уходили, нас провожали очень торжественно. Некоторые из нас уже никогда не вернулись домой... Мы уходили, искренне считая, что участвуем в новом крестовом походе — на этот раз против безбожного коммунизма. В определённом смысле мы верили, что спасаем свой народ, хотя сами люди ещё не вполне это осознавали. Конечно, у нас было очень много сторонников. Они встречали нас, заботились о нас и поддерживали нас. Обычные люди далеко не всегда понимали всё происходившее, но мы не осуждали их за это, а проблемы создавали только коммунисты и их сторонники.

Разумеется, после окончания войны оказалось, что все были против нас и, как стали утверждать, всегда были против. По стране прокатилась волна озлобления, последствия которой ощущаются, по моему мнению, и сегодня. Я так и не смог этого понять. Для меня очевидно, что мы воевали на правильной стороне, пытаюсь победить коммунизм. Сколько людей осталось бы живо, если бы мы победили? После войны коммунисты, по моему мнению, сами или при своём участии стали причиной гибели миллионов людей на Востоке, в том числе тех, кто помогал нам. Я не понимаю, как люди могут настолько заблуждаться, считая, что борьба против самого страшного зла, которое знала Европа, была чем-то неправильным. Одной из самых удачных уловок коммунистов стало то, что они сумели занять высокие государственные посты, выступая под видом патриотов. Теперь именно они получили возможность рассказывать об исторических событиях так, как считают нужным.

Как немцы относились к Вам во время подготовки? Не было ли ощущения, что они смотрят на вас свысока?

Боже мой, конечно, нет - они считали нас товарищами и были очень рады видеть нас на своей стороне. Для некоторых немецких офицеров ситуация была неловкой, поскольку они представляли державу, оккупировавшую ряд стран, откуда прибыли добровольцы. Поэтому они старались не вести себя как победители. Я бы сказал, что относились к нам очень хорошо. Единственной настоящей проблемой был языковой барьер, и для нас даже организовали курсы немецкого языка. Многие из нас отправились на фронт, разговаривая на своеобразной смеси немецкого и датского. Когда мы садились в поезда, направлявшиеся в Германию, к нам специально прикомандировали немцев, владевших датским языком, чтобы помогать нам. Помню, как одного немецкого солдата отругали за то, что он пытался ухаживать за несколькими датскими девушками, которые тоже отправлялись на обучение в Красный Крест. Большую часть пути мы разговаривали с немецкими солдатами, уже побывавшими на фронте. Мы старались понять, что ждёт нас впереди и к чему следует готовиться. Когда мы пересекли границу, нас встречали немецкие юноши с плакатами *Германия приветствует своих датских братьев*. Мы махали им в ответ, и столь тёплый приём заметно поднял нам настроение. На железнодорожной станции девушки из *BDM* ([Союз Немецких Девушек/Bund Deutscher Mäde](#)) угощали нас

едой и напитками. Некоторые подбегали и целовали нас. Мы смущались, но нам это нравилось.

Сначала нас направили в казармы в Лангенхорне/Langenhorn (Шлезвиг-Гольштейн) для прохождения начальной военной подготовки, а затем — в Трескау (ныне территория Польши) для специализированного обучения. Первую неделю мы в основном проводили на занятиях в помещениях, где нам объясняли, почему мы здесь находимся и какое значение имеет наша служба. Это были политические занятия, совмещённые с уроками немецкого языка. Они казались скучными, и на них было трудно не заснуть, поскольку начинались очень рано. Многие из нас ранее служили в датской армии, а политика солдат обычно мало интересует. Мы ценили стремление немцев принять нас как своих и создать дружескую атмосферу, однако нам уже хотелось приступить к настоящей службе. Было видно, что люди, проводившие эти занятия, искренне верили в то, чему учили, и сердились, если никто не задавал вопросов.

Распорядок подготовки был практически таким же, как и в любой армии: ранний подъём, физические упражнения, приведение себя в порядок, завтрак, занятия, маршировка, обед, строевая подготовка, ужин, немного свободного времени и сон. Наши инструкторы скорее напоминали университетских преподавателей, чем кричащих строевых сержантов. Иногда кто-то повышал голос, однако в войсках СС такое поведение не одобрялось. У нас было ощущение, будто мы состоим в братстве серьёзных мужчин, которые при этом умели веселиться. Однажды во время строевого смотра шёл дождь, и солдат, маршировавший впереди меня, забрызгал мою винтовку грязью. Я плюнул на ладонь и стёр грязь с оружия, стараясь при этом не испачкать форму. Унтер-офицер заметил это и спросил, откуда появилась грязь. Я объяснил свою дилемму: «Если бы я вытер винтовку об себя, форма стала бы грязной, и я не прошёл бы проверку. Если бы оставил грязь на винтовке — тоже не прошёл бы. Поэтому самым разумным было стереть грязь её рукой и не испачкать ничего другого.» Тогда унтер-офицер громко обратился ко всему строю: «Именно такое умение думать спасает жизни. Тот, кто умеет мыслить, остаётся в живых.» Я испытал огромное облегчение, потому что перед этим был уверен, что теперь мне придётся либо бегать дополнительные круги, либо выполнять внеочередные хозяйственные работы.

После завершения начальной подготовки нас направили в Трескау/Trescau, который сейчас находится на территории Польши. Неподальёку располагался лагерь. Насколько я помню, заключённые свободно выходили на различные хозяйственные работы без вооружённой охраны. Их можно было увидеть за уборкой территории казарм или работающими на соседних полях. Я упоминаю об этом потому, что лично не видел никаких очевидных проявлений жестокого обращения с ними.

Вы воевали на Русском фронте. Каким он оказался для Вас и какое впечатление на Вас произвел русский солдат?

Россия была огромной, сырой и холодной страной. Как и большинство добровольцев из северных стран, мы оказались на северном участке фронта. Наверное, считалось, что мы лучше приспособлены к такому климату. Корпус *Danmark* ещё не был полностью готов к боевым действиям, однако мы получили приказ отправиться в район Демянска (северная Россия). После советского контрнаступления в декабре [1941 года] немецкие войска были отброшены назад, а многие части оказались в окружении. Мы были удивлены тем, что произошло. Все были убеждены, что победа над Советским Союзом будет быстрой, и немцы говорили, что русские уже находятся на последнем издыхании. Однако советские войска нанесли мощные удары на центральном и северном направлениях и сумели далеко оттеснить немецкие части. Нас доставили в окружённый Демянск самолётами *Ju-52*. Иван встретил нас плотным зенитным огнём, который, к счастью, не причинил транспортным самолётам большого ущерба. Мы были вооружены только лёгким

оружием, тогда как против нас использовались танки, артиллерия и авиация. Некоторые солдаты поначалу испытали разочарование, однако у нас были замечательные командиры, умевшие вдохновлять людей. Они брали инициативу на себя и показывали личный пример. Главным среди них был [Шальбург](#) (Christian Frederik von Schalburg, на фото слева). Для всех нас он стал настоящим лидером. Он лично повёл нас в атаку на плацдарм, где состоялся наш первый настоящий бой. Позже, когда нам пришлось повторно отбивать эту позицию, он погиб, подорвавшись на mine и попав под артиллерийский огонь, и для корпуса это стало тяжёлой потерей.

Среди нас было много людей, уже воевавших против русских во время [Зимней войны](#) и хорошо знавших противника. Русского солдата я считал мужественным человеком, готовым умереть за своё дело. Нередко нам приходилось отбивать их атаки в рукопашной схватке. Они бросались на нас, словно дикие медведи. До сих пор помню голубизну их глаз и мысль, которая тогда возникла у меня: как получилось, что мы стали врагами? Но затем я снова думал о том, каким стал бы мир, если бы победили их политические идеи. Мы научились уважать русского солдата, но одновременно ненавидели идеологию, за которую он воевал. Сегодня я всё чаще слышу о военных преступлениях, которые, как утверждается, советские войска совершали во время войны и после неё. Мы никогда не собирались сдаваться им, потому что считали, что плен означает верную смерть. Русские мирные жители рассказывали нам, что видели, как сотрудники НКВД расстреливали солдат, на форме которых были нашивки [в виде национальных] флажков. Наши солдаты также сообщали, что после захвата в плен раненых русские нередко их расстреливали. Коммунисты считали нас фанатичными фашистами, которых уже невозможно перевоспитать. Если мы сталкивались с солдатами и офицерами из частей НКВД, именно они становились нашей первоочередной целью, и брать их в плен мы не собирались, при этом мы не испытывали ненависти к обычному советскому солдату, напротив, мы уважали его. С некоторыми пленными у нас складывались вполне хорошие отношения, а некоторые даже просили оставить их вместе с нами, потому что ненавидели сталинский режим.

Я никогда не считал всех русских плохими людьми. Я хорошо помню тех русских крестьян, которые добровольно разрешали нам пользоваться своими колодцами и жить в своих избах, когда мы находились в их деревнях. Не верьте тому, что сегодня рассказывает правительство о том, как с ними обращались. Когда читаешь современные заявления коммунистов, становится просто не по себе. По моему мнению, из-за этой пропаганды погибло множество совершенно невинных людей. Мы находились очень далеко от дома, в огромной стране, где сами ежедневно боролись за выживание. Причинять вред местным жителям не имело для нас никакого смысла — это лишь создало бы новых врагов. Нашими главными врагами были суровый климат и постоянные трудности со снабжением. Нам совсем не нужно было, чтобы против нас поднялось ещё и население. Коммунисты представили всё происходившее как героическую всенародную войну. Но, по моему мнению, это было не так. Большинство мирных жителей старались просто пережить войну, и все мы относились к ним с уважением. Из людей в гражданской одежде нам приходилось воевать лишь с немногочисленными партизанами, которые вели ожесточённую борьбу.

Могу ли я спросить, как Вы относитесь к тому, что Ваффен СС называют преступной организацией, совершавшей военные преступления и убившей бесчисленное количество мирных жителей?

Мне это очень не нравится, и вот почему: я видел совершенно другую сторону происходившего. Конечно, я понимаю, что на войне случаются ужасные вещи, и вполне возможно, что отдельные люди совершали дурные поступки, однако объявлять всех нас преступниками и рассказывать невероятные истории о якобы совершённых нами преступлениях неправильно. Я считаю, что большинство подобных рассказов — это выдумки людей, испытывающих личную ненависть и желающих свести старые счёты. Не так давно один местный писатель написал, что якобы видел, как немецкий солдат застрелил ребёнка только за то, что девочка показала ему язык. Это, по моему мнению, нелепость, такого просто не могло произойти. Но сколько людей поверило этому лишь

потому, что это написал известный автор? Я также читал, что некоторые бывшие военнослужащие СС утверждали, будто были свидетелями незаконных убийств или сами принимали в них участие. Я могу объяснить появление подобных рассказов только следующим образом: после войны союзники, как я считаю, использовали любые средства, чтобы заставить людей признаться именно в том, в чём они хотели получить признание. Им угрожали смертной казнью либо обещали причинить вред их семьям и друзьям, если они не подпишут признательные показания. Я знаю об этом, потому что многие люди сами рассказывали мне подобное. Нас заставляли смотреть их документальные фильмы, рассматривать фотографии, приводили свидетелей, которые рассказывали о том, что, по их словам, видели собственными глазами. Всё это выглядело очень убедительно. Один судебный процесс следовали за другим, и, как мне кажется, подобные процессы продолжаются до сих пор. Истории об убийствах, изнасилованиях, пытках и жестоком обращении с невинными людьми распространялись тогда и продолжают распространяться сегодня. Эти признания постоянно демонстрируют как доказательство коллективной вины, однако, по моему мнению, не стоит принимать их безоговорочно. Люди, утверждающие, что были свидетелями подобных событий, делают это либо из-за психических проблем, либо из корыстных побуждений, либо потому, что хотят отомстить кому-то. Как я уже сказал, возможно, некоторые действительно теряли самообладание и совершили часть тех поступков, о которых говорится, но я уверен, что таких людей было очень немного. Проблема заключается в том, что невозможно определить, какие рассказы заслуживают доверия, а какие нет. Если верить всем этим историям, получится, что мы были лишь шайкой кровожадных злодеев, которые вместо того, чтобы воевать против русского солдата, занимались убийствами мирных жителей и евреев. Существуют даже рассказы о том, будто мы мучили и убивали животных. Это просто выводит меня из себя - я больше не читаю подобные материалы и стараюсь их полностью игнорировать: эти рассказы причиняют боль. Именно внукам нашего поколения сегодня преподносят всё это как истину, заставляя их в это верить. Можете себе представить, что внуки начинают ненавидеть собственных дедов из-за того, что прочитали в школьных учебниках? По-моему, это позорно. Нас не хотят воспринимать как обычных фронтовых солдат, которыми мы, как я считаю, были: мы не имели никакого отношения к лагерям, казням партизан или карательным акциям. У всех этих фотографий, признаний и кинохроники, по моему мнению, существуют объяснения, показывающие, что всё выглядело не так, как это представляют. Да, людей в гражданской одежде расстреливали, но это ещё не означает, что они были невинновны.

Мемориальный камень, установленный частными лицами в память о солдатах корпуса Danmark в Ансе/Ans, Дания. Впервые он был помещен здесь в 1949 году, затем был взорван ветеранами Сопротивления, но позднее восстановлен...

Против нас также совершалось множество преступлений, однако, как мне кажется, нам не дают возможности говорить об этом. Я очень горжусь своей службой в СС. Я убежден, что в конечном счёте нас будут считать теми, кто пытался спасти Европу. Многие люди погибли, пытаясь победить режим, который, по его мнению, так и не смог распространиться на Запад, и я надеюсь, что этого никогда не произойдёт. Коммунизм сегодня пользуется слишком мягким отношением со стороны современных правительств, и если они будут проявлять чрезмерную снисходительность, это, по его мнению, может привести к тяжёлым последствиям для всех нас.

Один из памятников борцам Сопротивления в Дании

CECAP (CESAR)

Интервью с ветераном [Гражданской войны](#) в Испании и бывшим военнослужащим [Голубой Дивизии](#)/Division Azul (Колумбус, штат Огайо, США)

Очень рад познакомиться с Вами. Ваш сын рассказал мне, что вы участвовали в Гражданской войне в Испании, а затем воевали на стороне немцев на Восточном фронте. Могу ли я спросить, как вы оказались вовлечены в эти конфликты?

Да, конечно. Сын говорит, что вы, как и я, увлекаетесь историей. Прежде всего вам необходимо немного узнать об Испании и о том, что предшествовало началу войны. Я возлагаю ответственность за всё это на коммунистов, которые на протяжении многих десятилетий до войны постепенно усиливали своё влияние в Испании. Жизнь становилась всё тяжелее для людей, исповедовавших католицизм и придерживавшихся антикоммунистических взглядов. Коммунисты постепенно начали лишать людей прав и собственности. Они делали это посредством референдумов и различных постановлений, которые, как утверждали, должны были помочь бедным и рабочему классу. Они заставили церковь передать государству принадлежащие ей земли и имущество, после чего всё это было распродано или превращено в амбары и общественные центры.

Националистический плакат периода Гражданской войны. Солдат генерала Франко возвышается над поверженным анархистом, у которого в руке серп и молот. Анархист, у которого руки в крови, сам истекает кровью. На его теле кровью написаны буквы CNT-FAI (Confederación Nacional del Trabajo/Национальная Конфедерация Труда – Federación Anarquista Iberia/Федерация Анархистов Иберии). На знамени франкиста надпись: Испания – единая – великая – свободная/España - una - grande – libre.

Люди стали покидать районы, находившиеся под сильным влиянием красных. Моим родителям пришлось уехать из окрестностей Мадрида и переселиться в город Саламанка/Salamanca (западная часть Испании), где, по их мнению, было безопаснее. В то время мне было восемнадцать лет, и я работал на ферме. Коммунисты призывали людей прекратить работать на землевладельцев и фермеров. Они стремились ослабить государство, чтобы затем полностью взять власть в свои руки, и я не верил тому, что они говорили. Они обвиняли богатых людей и владельцев земли в жестоком обращении с рабочими и их эксплуатации. И мой отец, и моя мать работали в Мадриде. Отец был каменщиком, а мать — посудомойкой. Наша семья была глубоко католической, и именно из-за этого их постоянно высмеивали и подвергали оскорблениям. Мадрид был «красным» городом, и если человек не разделял взглядов коммунистов, то становился объектом преследования. Ещё до начала войны десятки тысяч людей покинули крупные города, поскольку понимали, что их ожидает. Мы слышали рассказы людей, которым удалось спастись. Они рассказывали о казнях церковнослужителей, поджогах храмов и нападениях на всех, кто открыто придерживался националистических взглядов. Многие из них были убиты.

Именно такое развитие событий заставило противников красных поднять восстание, в результате которого генерал Франко взял руководство движением на себя. Я хорошо помню те события. Правительство тогда находилось в руках коммунистов, которые называли себя республиканцами. Они напустили на себя личину сторонников демократии и справедливости, но на самом деле это было совсем не так. Военные действия начались после того, как они открыто стали нападать на районы, контролировавшиеся националистами, куда стекались люди, искавшие убежища. Они начали принуждать население платить налоги и подчиняться своей власти. Отказ означал смерть. Подобные действия вынудили людей сделать выбор между двумя сторонами.

Когда армия начала восстание, вооружённое противостояние переросло в полномасштабную войну. Мне тогда было восемнадцать лет. Я увидел плакат с призывом ко всем здоровым мужчинам вступать в армию Франко, чтобы спасти Испанию. Я сделал это без всяких сожалений. Сначала меня направили на подготовку. Поскольку я освоил ремесло своего отца, я хорошо умел строить. Я был зачислен в одно из подразделений гражданской гвардии и одновременно в строительную часть, которая возводила укрепления и строила мосты.

Для меня война началась в 1936 году, когда Франко призвал народ подняться, чтобы спасти собственную страну. Я был убеждён, что красные неправы, по моему мнению, они ненавидели Испанию и её многовековую историю. Они хотели заменить нашу культуру тем, что называли современным мировоззрением, но мы не могли с этим смириться, поскольку это означало бы конец христианской морали и отказ от чувства долга. Именно поэтому я принял участие в этой войне. Когда она закончилась и началась БМВ, я по-прежнему хотел продолжать борьбу против коммунизма, поэтому добровольно отправился воевать на Восточный фронт.

Могу ли я спросить о боевых действиях во время Гражданской войны? Я читал, что она была очень жестокой, а здесь принято считать, что войска Франко совершили множество зверств против мирного населения.

Что ж, мой друг, вы должны понимать одну особенность современного мира. Видите ли, люди, которые сегодня пишут историю, зачастую получают свои сведения из одних и тех же источников. Если исходный источник ошибочен, то ошибочными оказываются и все последующие работы. Современных историков я считаю либо ленивыми, либо подвергшимися идеологической обработке. Справочники и книги десятилетиями цитируют друг друга, превращая какое-либо утверждение в «исторический факт», не пытаясь самостоятельно проверить его достоверность. Поскольку первоначальные сведения

нередко исходят от людей, выступавших против нашей стороны, то всякий, кто затем повторяет их и объявляет исторической истиной, по моему мнению, ошибается. Я был солдатом и видел множество боёв во время той войны. Она была чрезвычайно ожесточённой и сопровождалась постоянными взаимными расправами. Когда мы занимали районы, ранее находившиеся под контролем красных, к нам сразу же приходили местные жители и просили помощи. Они рассказывали нам о массовых казнях своих родственников и друзей, совершённых красными. Мы неоднократно сталкивались с подобными картинами.

Красные, по моему мнению, удерживали власть с помощью силы и террора. Многие из них прибыли в Испанию из других стран, особенно из Советского Союза. Могу сказать, что иностранцы были гораздо более жестоки, поскольку плохо понимали испанцев и, как мне казалось, сражались исключительно ради мировой революции. Они без всякой жалости убивали каждого, кто открыто выступал против их взглядов. Больше всего меня поражает то, как люди могли поверить подобному лицемерию. Красные утверждали, что обязаны лишить людей свобод и прав именно для того, чтобы защитить их от тех, кто якобы лишает их свобод и прав. Я также никогда не мог понять их борьбы против Церкви. Нашему подразделению неоднократно приходилось входить в города, где церкви были сожжены, мы видели могилы священников и монахинь. Когда мы спрашивали местных жителей, что произошло, ответ всегда был одинаковым: по их словам, их убили потому, что красные не видели никакой пользы в христианах. Они утверждали, будто священнослужители являются «пятой колонной», действующей в интересах Франко.

Сегодня, по моему мнению, в Испании всё ещё можно узнать правду, хотя страна, как мне кажется, постепенно вновь склоняется к коммунистическим идеям. Организация Объединённых Наций призывает к тому, чтобы [в правительстве] были представлены все политические силы, однако, по моему мнению, подобная политика лишь открывает путь к покупке голосов и коррупции. Именно так, как я считаю, всё и начиналось много десятилетий назад. Когда сегодня говорят, что войска Франко совершали зверства, то, по моему мнению, говорят не всю правду. Видите ли, когда брали в плен красных, особенно иностранцев, виновных, как считалось, в убийствах и жестокостях, их, в свою очередь, наказывали через повешение или расстрел. Я собственными глазами видел, какими методами они вели войну, и считаю, что они заслужили любое наказание, которое понесли.

А как насчёт [города Герника](#), который подвергся бомбардировке немецкой авиацией? Насколько я понимаю, тогда без всякой причины погибло большое количество мирных жителей.

Нет, это, по моему мнению, является недоразумением. Этот город был важным опорным пунктом красных, а бомбардировку проводили наши силы, действовавшие в тесном взаимодействии с итальянцами и немцами. Они оказали нам большую помощь, стараясь остановить поставки [оружия и снаряжения из Советского Союза и других стран нашим врагам. Удар по этому городу уничтожил важнейшие коммуникации противника. Кроме того, был ликвидирован плацдарм, откуда красные собирались начать своё наступление. После того как эти планы были сорваны, Франко смог перейти в наступление и захватить весь северный район страны. По моему мнению, это был мастерский и очень удачный стратегический ход: он нанёс красным удар, от которого они уже не смогли оправиться.

Художник Пикассо принадлежал к сторонникам красных и приобрёл глобальную известность благодаря симпатизировавшим коммунистам людям по всему миру. Многие из них всегда пользовались влиянием, и Пикассо стал знаменитым именно потому, что принадлежал к их числу. У нас, говорит он, было немало художников, писавших значительно лучше. Кстати, раз уж мы заговорили об искусстве... Вы ведь знаете, что искусство является отражением души художника — это окно в его внутренний мир. Я был в том немецком музее в Мюнхене (*вероятно, речь идет об организованной нацистами*

выставке произведений «дегенеративного искусства» в Мюнхене - ВК) и могу сказать, что немцы времён Гитлера, по моему мнению, обладали добрыми душами. Мне совершенно безразлично, что кто-то может подумать по этому поводу. В том месте было нечто особенное, и это можно наблюдать повсюду. Люди, у которых нет души или чья душа наполнена злом, неизбежно отражают это в своих произведениях. Враги Бога прославляют подобных бездушных и лишённых таланта людей. Они искусственно восхваляют их творчество, создавая ложное ощущение порядка, тогда как в действительности оно является проявлением хаоса и признаков душевной болезни. Поэтому не следует безоговорочно верить всему, что сегодня рассказывают о событиях в Испании.

Могу ли я спросить, как получилось, что Вы стали воевать на стороне Германии?

Конечно, можете. После того как наша война закончилась в 1939 году и Франко вошёл в Мадрид, объявив о победе, я вернулся к своей семье, чтобы заново начать жизнь, прерванную войной. Тогда же я познакомился с молодой девушкой, которая недавно поселилась в нашем квартале. Она приехала вместе со своей матерью после того, как, по её словам, её отец был убит красными. Мы начали переписываться, когда в 1940 году я находился в Германии, где проходил обучение современным методам строительного ремесла, в частности совершенствовал мастерство каменщика. Немцы относились ко мне очень хорошо, и я чувствовал близость к ним как к родственному европейскому народу.

Вернувшись домой, я устроился работать строителем, поскольку многие испанские города сильно пострадали во время гражданской войны. Мне часто приходилось ездить из одного города в другой, и я всегда гордился своей работой. Я показывал сыну здания, в восстановлении которых принимал участие. Многие из них стоят до сих пор. В 1941 году Германия начала войну против Советского Союза, которым руководил Сталин. Франко обратился с призывом помочь в этой борьбе против нашего прежнего врага. Я сообщил родителям о своём решении отправиться добровольцем. Наш приходской священник благословил меня. Я приехал в Мадрид, записался добровольцем, а спустя несколько дней ожидания нас посадили в поезд и отправили в Германию.

Агитационный плакат, призывающий вступить в Голубую Дивизию

Нас встретили как друзей немецкого народа и, по моим ощущениям, относились почти как к почётным гостям. Молодёжь приносила нам книги, сладости, поздравительные открытки и различные подарки. Помню, как девушки приходили к нашим казармам и пели для нас. Однако это чувство воодушевления продолжалось недолго: мы сразу приступили к обучению. Наши унтер-офицеры постоянно предупреждали нас, что нам предстоит сражаться с колоссальной державой и что выжить помогут только внимательность и хорошая военная подготовка. К нам относились точно так же, как и к солдатам германской армии, и мы проходили точно такую же подготовку. Вместе с нами обучались и португальские добровольцы, прибывшие для участия в войне против Сталина. Обучение продолжалось несколько недель, после его окончания нам предоставили отпуск. Перед этим наш генерал выступил с речью, поздравив нас с успешным завершением курса подготовки. Мы чувствовали, что полностью готовы к отправке на фронт. Больше всего мы боялись, что война закончится без нас, поскольку немецкие сводки постоянно сообщали об одной победе за другой. Можете представить себе, что мы всерьёз опасались не успеть попасть на войну? Мы тогда ещё не представляли, чем всё это закончится. Знаете, даже Гитлер приезжал проводить нас, там же присутствовали многочисленные генералы и государственные деятели. Создавалось ощущение, будто мы отправляемся в великий священный поход. Собственно, именно так мы и называли его — крестовый поход против коммунизма.

Каким для Вас оказался Восточный фронт? Как Вы воспринимали русских?

Осенью 1941 года мы прибыли на Восток. Перед нами открылась огромная страна, уже занятая немецкими войсками. Местные жители встретили нас дружелюбно: когда мы прибыли, они приносили нам продукты и предлагали всевозможные товары. Я ожидал увидеть страну, погружённую в хаос, однако, по моим впечатлениям, немцы поддерживали там хороший порядок. Когда мы сошли с поезда, первое, что бросилось мне в глаза, — небольшой рынок, где русские женщины продавали горячее рагу и фрукты. На городской площади играли дети, а немецкие солдаты спокойно беседовали с мирными жителями. Стоял ясный солнечный день, и я тогда подумал, что мне здесь понравится — всё это напоминало мне родину.

Немцы не сразу отправили нас на передовую. Некоторое время мы оставались в тыловых районах, помогая местным жителям убирать урожай и восстанавливать разрушенные дома. Они рассказывали нам, что советские войска при отступлении поджигали города и уничтожали фермы. По их словам, это делалось для того, чтобы лишить немцев продовольствия и жилья. Мы говорили местным жителям, что подобное происходило и в нашей стране. Я бы сказал, что мы хорошо относились к русским людям. Нужно понимать, что, по нашему убеждению, война велась против красных и Сталина, а не против народа. Насколько я мог видеть, с мирными жителями обращались хорошо. Я не увидел ничего, что заставило бы меня поверить тому, что советская сторона рассказывала после войны. Я считаю, что они лгали относительно обращения немцев с гражданским населением. Впрочем, моё пребывание в России оказалось недолгим: дело в том, что я был ранен уже в первом бою...

Из-за нехватки грузовиков нам приказали идти к линии фронта пешком. Мы проходили через одну деревню за другой, местные жители выходили посмотреть на нас и приносили всё, чем могли поделиться. Из-за войны, а также потому, что Красная армия реквизировала продовольствие и домашний скот, урожай оказался очень плохим. Мы прибыли на Ленинградский фронт, в район озера Ильмень, где заняли оборонительные позиции. К тому времени уже начинались холода, и у нас возникли серьёзные проблемы с нехваткой зимнего обмундирования. На родину отправили просьбы присылать тёплые вещи — перчатки, шерстяные носки и другую одежду. От недостатка зимнего снаряжения страдали даже немецкие подразделения. Вскоре мы начали участвовать в атаках на советские позиции. Бои приняли позиционный характер и велись главным образом вдоль реки.

Требовалось строить мосты, и я помогал сооружать и оборудовать переправы. Однажды, когда мы были заняты этим, на противоположном берегу совершенно неожиданно появился советский отряд и открыл по нам огонь. Я хорошо видел противника и бросился к своей винтовке, чтобы открыть ответный огонь. Но успел сделать всего около двух метров, как почувствовал резкую боль в ноге и в боку – меня зацепило. Я потерял сознание. Позже мне рассказали, что на нас случайно наткнулся советский разведывательный дозор. После того как его заставили отступить, меня вынесли с позиции. Я потерял очень много крови по дороге на перевязочный пункт. Врачи признали моё состояние крайне тяжёлым и распорядились срочно эвакуировать меня в более крупный госпиталь. Хорошо помню, как ехал санитарным поездом обратно в Польшу.

Меня поместили в немецкий военный госпиталь, где лечились испанские добровольцы. Испанский врач внимательно осмотрел меня и сказал, что мне очень повезло. Пуля пробила мне бок, задев лёгкое, а также прошла через бедро. Из-за большой кровопотери восстановление заняло несколько недель. Тем временем советские войска начали крупное наступление, введя в бой свежие части, прибывшие с востока страны, и им удалось отбросить наши войска и нанести им тяжёлые потери. Испанская дивизия также сильно пострадала, потеряв многих людей.

Меня признали негодным к дальнейшей строевой службе, поскольку ранение ноги не позволяло мне подолгу передвигаться пешком. Мне сообщили, что моя война закончилась. Я продолжал получать денежное довольствие, продуктовые посылки и открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления от молодёжных организаций, действовавших в Польше. В целом время, проведённое там, оставило у меня хорошие воспоминания. Однако затем меня отправили обратно в Германию, демобилизовали и вернули домой. Можно сказать, что во многих отношениях мне повезло. Многие люди, с которыми я познакомился летом 1941 года, так никогда и не вернулись домой. Я больше никогда их не видел - они погибли в боях либо попали в плен и погибли впоследствии. Позднее я узнал, что сдавшиеся в плен военнослужащие нашей дивизии подвергались очень жестокому обращению и лишь немногим удалось вновь увидеть Испанию. Поэтому я считаю, что мне повезло и что я был верен присяге, которую когда-то принял... Когда я вернулся домой, на мне была моя военная форма, и это стало большим событием, потому что я был одним из первых добровольцев, возвратившихся на родину. Меня встречали репортеры и благожелатели...

ЖОРЖ КОЛЕМОН (GEORGES COLEMONT)

Интервью с обершарфюрером Жоржем Колемоном, служившим во Фламандском Легионе и позднее во 2-й Танковой Дивизии СС Das Reich. Ватерлоо, Бельгия, 1983

Жорж Колемон

Спасибо, что согласились поговорить со мной. Как уже говорилось, я хотел бы задать всего несколько вопросов о Вашем времени службы в Ваффен СС. Прежде всего, почему Вы решили вступить именно в ряды Ваффен СС?

Ну что ж, парень, я тебя не знаю, но раз уж ты знаешь моих товарищей, то уделю тебе немного времени. Сразу скажу: многие из нас, включая меня самого, больше не дают интервью журналистам. Это нечестные лжецы, служащие не правде, а своим редакторам. Я видел, что они пишут о нашей службе, и не собираюсь помогать им распространять красивые выдумки. Но ты производишь хорошее впечатление, поэтому начну с того, что вступил исключительно из патриотических побуждений. Я видел опасность, которую, по моему мнению, представляли красные для Европы, и считаю, что эта опасность существует и сегодня — просто теперь её сдерживает НАТО. Мы пытались победить эту угрозу, однако западные страны, по моему мнению, не понимали происходящего и объединились именно с тем противником, опасность которого осознавала Германия. Когда Германия вторглась в Бельгию, это, конечно, было крайне нежелательным событием. Однако некоторые понимали, что это было необходимо для победы над Францией. В конце концов Франция и Великобритания сами готовились вторгнуться в Бельгию. Германия предложила Бельгии очень выгодные условия мира, а затем оказала стране масштабную помощь, что было хорошим делом.

Плакат, призывающий вступить в Штурмовую Бригаду СС Langemarck

Я состоял в патриотических фламандских организациях, любивших свою землю и свой народ. Немцы хорошо относились к нам, но фламандским патриотам немецкая помощь была не особенно нужна: немцы сделали нашу партию руководящей силой в нашем округе. Подобную политику Германия проводила по всей Европе, сотрудничая с патриотическими движениями при формировании новых правительств. Гиммлер приехал в Бельгию и предложил сформировать легион из жителей Фландрии для охраны населения. Многие из нас согласились. Я вызвался добровольцем, и после прохождения медицинской комиссии и отбора нас приняли во *Фламандский Легион/Vlaams Legioen*, а позже, когда началась война против Советского Союза, нас включили в состав полка *Langemark*. На Восточном фронте требовалось всё больше людей, и, поскольку наш легион создавался при непосредственном участии Гиммлера, он считал, что мы также должны стать

военнослужащими находившихся под его командой войск СС. Я согласился, потому что хотел воевать против красных, а это был мой шанс попасть на Восточный фронт.

Служба была хорошей. У нас было достойное жалованье, хорошее питание и отличное снаряжение, но главным для меня были мои товарищи. Мы одинаково смотрели на происходящее, разделяли общие взгляды и стремились к одной цели. Позже наш полк получил приказ войти в состав новой танковой дивизии СС *Das Reich*. Можно сказать, что мы просто сменили одну нарукавную ленту с названием части на другую.

Как к Вам относились немцы, учитывая, что Вы были иностранцем?

Могу сказать, что в мире, каким его видел Гиммлер, мы вовсе не считались иностранцами, и относились к нам соответственно. Чтобы попасть в учебный лагерь, нам пришлось проехать через Германию, и повсюду люди очень тепло встречали нас на железнодорожных станциях. Мы писали на стенках вагонов, кто мы такие и откуда приехали, девушкам это очень нравилось: они посылали нам воздушные поцелуи и бросали цветы. Казалось, будто мы вновь отправляемся в крестовый поход, подобно нашим далёким предкам, чтобы сразиться с врагом, пришедшим с Востока. Тогда нам казалось, что вся Европа поддерживает нас и стоит за нашей спиной. Однако после окончания войны те же самые люди, по его словам, отвернулись от нас...

*Фотография, сделанная 7 августа 1943 года после Курской битвы. На снимке военнослужащие Танкисты 2-й Танковой Дивизии СС *Das Reich*. Слева направо: командир танка — обершарфюрер Густав Шиннер (Gustav Schinner), наводчик — роттенфюрер Курт Бунцек (Kurt Bunzeck), механик-водитель — роттенфюрер Жорж Колемон, заряжающий — Цюльке (Zülcke), пулемётчик и радист — Хайнц Венцель (Heinz Wentzel).*

Даже во время подготовки к нам относились превосходно. Помню лишь дружеские споры с немецкими солдатами о том, у кого лучшие футбольные команды и спортсмены. Иногда такие споры перерастали в потасовки на плацу, но командиры быстро напоминали нам, что мы братья, воюющие на одной стороне против общего врага. Запомните это - к нам относились очень хорошо — как к родным братьям.

Вы были награждены [Почётной Пряжкой](#)/Ehrenblattspange des Heeres und Waffen-SS. Могу ли я спросить, за что Вы получили эту награду?

До сих пор помню запах пороховых газов, смешанный с нашим потом и запахом давно нестиранной одежды. Летом было хуже всего. Во время боя приходилось держать все люки закрытыми, и температура внутри танка становилась почти невыносимой, даже вентиляторы почти не помогали. Наш заряжающий всегда держал под рукой ведро с водой, чтобы мы могли освежиться, правда, во время движения оно часто опрокидывалось. Очень помогало постоянно что-нибудь жевать — соломинку или табак, чтобы легче переносить жажду.

После боёв под Харьковом (февраль-март 1943 года) было вручено очень много наград. Это было чрезвычайно ожесточенное сражение с большими потерями, однако советские войска понесли ещё более тяжёлые потери.

Что касается русского народа, я читал, что отношения с местным населением были очень плохими и что было совершено множество преступлений. Могу ли я спросить, правда ли это?

Если это действительно происходило, то я этого не видел. Мы воевали не против русского народа - нашим противником были красные, которые, по нашему мнению, держали этот народ под своей пятой. Как я уже говорил, мы жили во многих русских деревнях и городах. Я могу засвидетельствовать лишь то, что, как мне казалось, жизнь людей возвращалась к тому состоянию, которое существовало до революции. Они выходили встречать нас, поскольку, как я тогда считал, мы освободили их от тирании, длившейся двадцать лет. Я видел, как вновь открывались церкви и разрешалась свободная торговля, и люди могли продавать свои товары, не отдавая прибыль государству. Мне известно, что со всей Европы приезжали благотворительные организации, пытавшиеся помочь местному населению, и даже Бельгия принимала в этом участие. Я видел поезд с пожертвованиями для православной церкви, находившейся в районе Харькова.

Продовольствия становилось всё меньше, поэтому людей привлекали к восстановлению заводов, уничтоженных Сталиным при проведении политики выжженной земли. Обеспечение населения продовольствием считалось первоочередной задачей. Во время одного из затиший в боях нас даже попросили помочь местному крестьянину собрать урожай. Кроме того, восстанавливались старые больницы и строились новые, чтобы улучшить медицинскую помощь населению и одновременно обслуживать фронт. У нас также появился хороший ремонтный завод, созданный на базе разрушенного предприятия. Всё, что я видел в России, — это районы, которые, по моему впечатлению, восстанавливались и возрождались в тылу. Я не видел ничего, что заставило бы меня подумать, будто местное население подвергалось притеснениям или жестокому обращению. Газеты и многие другие источники утверждали, что людей массово вешали и расстреливали. Я считаю это ложью. По моим воспоминаниям, подобное происходило только с бандитами, которые незаконно нападали на немецкие войска. Я видел фотографии, на которых были запечатлены подобные эпизоды. К счастью, до более позднего периода войны мы почти не сталкивались с крупными партизанскими формированиями. Позже многие из них вошли в состав Красной армии, и тогда с ними уже обращались как с обычными военнопленными.

А что Вы скажете об обвинениях в совершении военных преступлений?

Мы не будем об этом говорить. Я уже сказал вам, что считаю подобные обвинения недостоверными и основанными на злонамеренной лжи. Я не видел ничего такого, из-за чего мне было бы стыдно носить эту форму. Все мои товарищи придерживаются такого же мнения. По их убеждению, каждое подобное обвинение либо оказалось ложным, либо было сильно преувеличено. Даже [события в Орадуре](#) вышли из-под контроля из-за действий [французского Сопротивления](#), а не военнослужащих Дивизии *Das Reich*, которые прибыли туда лишь для поисков захваченных [партизанами] немецких солдат.

Видели ли Вы советских военнопленных?

Да, конечно. Мне самому приходилось брать пленных и проводить их обыск. Держу пари, вы не знали, что в Дивизии *Das Reich* служило несколько русских. Они поселились в моём районе ещё после революции. Когда началась война против Советской России, они добровольно вступили как в армию, так и в СС, чтобы, по их словам, помочь нам бороться против Сталина. Один из них даже встретил человека из своей родной деревни. Его оставили у нас в качестве *Hiwi* (*Hilfswilliger* — *добровольного помощника из числа советских граждан и военнопленных*). Эти *Hiwi* были советскими пленными, разочаровавшимися в сталинском режиме и добровольно просившими разрешения помогать нам не небоевых должностях. Они могли готовить пищу, ремонтировать форму и снаряжение, а также перевозить раненых. Одного из них мы называли Ди (Dee), потому что не могли правильно произнести его настоящее имя. В нашем полку насчитывалось почти сто таких парней. Я читал, что в конце войны, если они попадали в руки советских солдат, их всех расстреливали.

Помню огромные колонны военнопленных. Их были буквально тысячи и тысячи. Многие из этих людей впоследствии вступили в [Русскую Освободительную Армию](#) и начали воевать против красных. Позже в ходе войны нам несколько раз приходилось спасать их от окружения.

Жалеете ли Вы о том, что служили в германских Ваффен СС?

Ни капли, парень. Как я уже говорил, нам нечего стыдиться. Я очень горжусь тем, что принадлежал к коллективу людей, сплоченных так, как, по моему мнению, редко бывает. Мы вместе сражались против противника, который говорил, что хочет принести миру справедливость и мир. Но, как я считаю, на самом деле он нёс ненависть, месть и страх людям, которые вовсе этого не желали. Я видел, что происходило с людьми в России. Горе было каждому, кто помогал нам. Однажды мы вновь заняли деревню, потерянную месяцем ранее, и она оказалась совершенно пустой. Позже нам рассказали, что всех оставшихся жителей либо убили, либо депортировали на восток. Одна девушка сообщила нам, что неподалёку находится ров, где были расстреляны взрослые жители за оказание помощи немцам. Поэтому единственное, о чём я жалею, парень, — это о том, что мы не выиграли ту проклятую войну. По моему убеждению, это была борьба за последнее дыхание здоровой европейской цивилизации, свободной от красной заразы. Весь мир объединился против нашего дела, и теперь за это приходится расплачиваться последующим поколениям.

ФРЕДРИК ЙЕНСЕН (FREDRIK JENSEN)

Интервью с кавалером *Германского Креста в Золоте* оберштурмфюрером Фредриком Йенсеном из 5-й Танковой Дивизии СС *Viking*. Он был единственным норвежцем, заслужившим столь высокую награду. Мальме, Швеция, 1988 год

Спасибо, что согласились встретиться со мной. Для меня это большая честь. Как мы и договаривались, я хотел бы начать с вопроса о том, почему Вы решили встать на сторону немцев и вступить в Ваффен СС?

Как вы понимаете, сорок лет назад Европа была совсем иной. Главным лозунгом того времени был национализм как противовес коммунизму. Мы были не столько за или против Гитлера: Он был руководителем Германии, а я жил в Осло. Я всегда интересовался политикой и понимал, что в России у власти находятся, как мне тогда казалось, очень опасные люди. Мне довелось познакомиться с несколькими соотечественниками, которые жили в Санкт-Петербурге и бежали оттуда в 1919 году. Они рассказывали о массовых

арестах и убийствах всех, кто не поддерживал советскую власть при Ленине. Тогда я окончательно убедился, что советский режим представляет серьёзную опасность.

По мере того, как я выросл, я всё больше читал о положении людей, оказавшихся под властью Советов. Многие бежали и находили убежище в Норвегии, и все они рассказывали примерно одно и то же. По их словам, евреи играли ведущую роль в советском руководстве и участвовали в преследовании церкви и верующих. В то же время некоторые журналисты замалчивали подобные рассказы, утверждая, что они не соответствуют действительности, и отрицали какую-либо связь евреев с большевизмом. Многие люди видели в этом предвзятость, и это вызывало скрытое недовольство, которое, по моему мнению, существовало тогда по всей Европе. Гитлер вывел эту тему на первый план и, как мы тогда считали, сорвал маску с тех, кто пытался скрываться. Помню, что к 1939 году Европа, по моим воспоминаниям, уже разделилась на два лагеря. Один придерживался националистических и антисоветских взглядов, другой поддерживал Советский Союз и выступал против националистов. Я выбрал путь национализма и вступил в соответствующую партию в Норвегии, потому что мне казалось, что именно этот путь ведёт к истине и является правильным.

Когда Германия вошла в Норвегию, это стало для многих неожиданностью. Мы не сразу поняли причины этого шага. Теперь известно, что Великобритания и её союзники собирались захватить норвежские порты, чтобы лишить Германию возможности вести торговлю, но Гитлер опередил их. После прихода немцев было сформировано новое правительство, и моя партия получила возможность участвовать в управлении страной. Жизнь населения изменилась к лучшему, и новая власть пользовалась популярностью несмотря на ежедневные пропагандистские радиопередачи из Великобритании, которые вело эмигрантское норвежское правительство. Если не считать отдельных немецких гарнизонов, можно было даже не заметить присутствия Германии в Норвегии. Я много читал об СС, и эта организация представлялась мне элитной военной силой, восходящей к нашему общему германскому прошлому. Когда Германия начала войну против Советского Союза, был объявлен набор добровольцев для нового крестового похода — теперь уже против большевизма. Мои друзья и товарищи либо отправлялись работать в Германию, либо поступали на военную службу. Наиболее убеждённые националисты, к числу которых я относил и себя, шли добровольцами именно в СС, однако попасть туда было непросто. Необходимо было обладать хорошим здоровьем и отличной физической подготовкой, и слабых туда не принимали. Гиммлер считал нас германцами, причём иногда даже более «германскими», чем самих немцев. Я успешно прошёл все испытания и был

принят в качестве кандидата-добровольца с испытательным сроком. После этого нам назначили дату отправки на обучение в Германию. Все мы были переполнены радостным ожиданием нового приключения. Мы, наивные, ещё не понимали, насколько эта дорога «приключений» изменит всю нашу жизнь.

Агитационный плакат норвежских эсэсовцев

Могу ли я спросить, как проходила подготовка? Относились ли немцы к Вам как к равным?

Да, конечно. Подготовка была хорошей, а немцы относились к нам очень доброжелательно. Было видно, что они искренне рады нашему приезду. Начальная подготовка мало отличалась от обучения в любой другой армии. Мы рано вставали, занимались физическими упражнениями, завтракали, проходили построение и осмотр, затем посещали занятия или строевую подготовку, снова ели, продолжали занятия, после чего занимались уборкой и ложились спать. Свободного времени хватало на то, чтобы написать письмо домой или помечтать о девушках, оставшихся в Норвегии. Инструкторы были самые разные: одни были немцами, другие — датчанами, голландцами или норвежцами. Главным образом мы изучали немецкий язык, хотя между собой нередко разговаривали и на родном. Обучение в СС больше напоминало учёбу в очень строгой школе. Криков и постоянной ругани почти не было. Конечно, в особенно тяжёлые моменты инструкторы могли повысить голос, но в основном они скорее походили на учителей, спокойно исправляющих ошибки ученика при решении математической задачи. Вас, наверное, удивит, но каждое воскресенье у нас проходили богослужения, а те товарищи, которые не были религиозными людьми, могли просто использовать этот день для отдыха. СС предоставляли возможность посещать церковь, и большинство курсантов этим пользовалось. Я до сих пор помню, что пастор носил гражданский знак члена СС.

Через некоторое время после начала подготовки нам разрешили познакомиться с окрестностями. Местные жители относились к нам очень тепло. Мы носили на форме норвежский флаг. Однажды один мужчина, работавший кораблестроителем и прежде трудившийся в Норвегии, настоял на том, чтобы угостить нас обедом. Он говорил почти на

безупречном норвежском языке и сказал, что очень гордится тем, что Европа вместе с Германией поднялась на борьбу против того, что он называл «еврейским большевизмом». Я хорошо запомнил эти слова. Если бы мы победили, Европа не оказалась бы разделённой, как сегодня, а Германия осталась бы единой.

Вы воевали на Восточном фронте в составе Дивизии Das Reich. Могу ли я спросить, каким этот фронт запомнился Вам?

Нет-нет, молодой человек, давайте сначала уточним. В июне 1941 года Дивизии *Das Reich* ещё не существовало. Тогда она называлась просто *SS-Reich*. Сначала я служил в полку *Der Fuhrer* дивизии *Reich*, а затем был переведён в Полк *Deutschland* Дивизии *Viking*. Первое, что поразило меня в России, — её необъятные просторы: бесконечные леса, озёра, реки, огромное количество дикой природы - настоящий рай для охотника. Многие подразделения пользовались этим и добывали себе пропитание охотой. Иногда наши повара готовили превосходные блюда из того, что удавалось добыть за день. Мы всегда радовались появлению *Gulaschkanone/гуляш-пушки* — так называли полевую кухню с большим котлом под давлением, предназначенную для быстрого приготовления пищи. Во время таких обедов еды хватало даже для того, чтобы поделиться с местными жителями.

Я видел огромное количество захваченных советских пленных и военной техники. Нам тогда говорили, что Сталин сам готовился напасть на Германию и что всё это является доказательством этих планов. Перед нашими глазами тянулись бесконечные колонны захваченных танков, грузовиков, тракторов и железнодорожных составов. Сегодня принято утверждать, что всё это неправда, будто Сталин стремился лишь к миру, а именно Гитлер внезапно напал на него, но я своими глазами видел масштабы сосредоточения советской техники. Было очевидно, что готовилось что-то очень серьёзное, а у взятых в плен советских офицеров находили карты с изображением немецкой дорожной сети, военных баз и складов снабжения.

Мы действовали на центральном участке фронта, нашей целью была Москва. Моя часть подошла к ней настолько близко, что мне удалось увидеть сам город. Для меня это было очень волнующее событие. Однако к тому моменту, когда мы достигли этих рубежей, на нас обрушились огромные силы, прибывшие с Востока и вынудившие нас отступить на многие километры. Это наступление застало нас врасплох. Мы были крайне измотаны, поэтому советским войскам оказалось сравнительно легко отбросить нас назад. Именно там я получил ранение, которое, возможно, в конечном счёте спасло мне жизнь. Чтобы остановить их наступление и стабилизировать фронт к январю 1942 года, потребовались, без преувеличения, сверхчеловеческие усилия.

Советский солдат был храбр и решителен, когда успех был на его стороне, но, когда мы переходили в контратаку, они, по моим наблюдениям, часто утрачивали стойкость и сдавались в плен. Я не раз замечал эту особенность: они ожесточённо сражались до тех пор, пока линия фронта держалась, но как только оборона рушилась, многие прекращали сопротивление. Я хотел бы сказать несколько слов и о местных жителях, поскольку мне доводилось читать, как, по моему мнению, ложным образом описывают наше отношение к ним. Мы просто оставляли их в покое. Они не представляли для нас угрозы и зачастую встречали нас доброжелательно. Я собственными глазами видел, как практически в каждом городе и населённом пункте люди встречали нас как освободителей. До сих пор помню людей, которые махали нам руками и улыбались, считая, что мы вернули им свободу. Иногда это даже несколько раздражало нас, поскольку подобные встречи задерживали продвижение наших колонн. Жители выстраивались вдоль дорог и обычно предлагали нам воду и хлеб. Они сами были очень бедны, и мы же в ответ делились шоколадом и другими продуктами, которые имелись у нас.

Наиболее убеждённые сторонники советской власти бежали вместе с отступавшими войсками. Они нередко принуждали местных жителей уходить вместе с собой, однако многие затем убегали и возвращались домой. Таких людей были тысячи, я видел их собственными глазами. Партизанское движение начало складываться главным образом из евреев, спасавшихся от мести мирных жителей, обвинявших их в сотрудничестве с советской властью – это я тоже видел. Ранее я уже говорил, что евреи были связаны с большевизмом, и, по моему убеждению, это действительно было так. К 1920 году большинство членов Политбюро были евреями, а многие обычные евреи помогали выявлять и выдавать тех, кто выступал против советской власти. По рассказам жителей некоторых городов, исчезала почти половина населения. Синагоги открывались, тогда как церкви закрывались, а население подвергалось притеснениям. Им объясняли, что это является возмездием за отношение царской власти к евреям. Именно с такой ситуацией части дивизии *Reich* столкнулись в некоторых населённых пунктах. Евреи были изгнаны, а в отдельных случаях убиты местными жителями. Мне рассказывали, что некоторые немецкие подразделения даже останавливали эти расправы. Представьте себе это, а сегодня утверждают, будто единственной нашей целью было убивать евреев.

В первые месяцы войны всё складывалось очень легко. Огромная Красная армия была разгромлена и стремительно отступала, и лишь дьявол спас её от окончательного уничтожения. Советские войска предпринимали массированные контратаки, и поскольку наши линии обороны были очень растянуты, им нередко удавалось прорывать наши позиции. Тогда приходилось срочно перебрасывать резервы, чтобы ликвидировать опасный участок. Мне неоднократно приходилось участвовать в подобных боях. Во время одной из таких вражеских атак мне пришлось практически в одиночку отражать наступление целого штурмового взвода, и, когда у меня закончились патроны, я был вынужден использовать сапёрную лопатку и штык. По словам моих товарищей, именно этот эпизод сорвал развитие более масштабной атаки и позволил нам удержать наши позиции. Сам же я запомнил лишь то, что вёл себя как одержимый, отчаянно стремившийся отбросить противника. Именно за этот бой меня представили к *Германскому Кресту*.

Видели ли Вы во время службы в Ваффен СС как совершаются военные преступления?

Это зависит от того, что именно понимать под военным преступлением. Дивизии *Reich* и *Viking* были прежде всего фронтовыми боевыми соединениями. Нам редко приходилось бороться с партизанами или действовать в тыловых районах. Я знаю, что в некоторых местах партизанское движение действительно представляло серьёзную проблему, но главным образом с ним боролись местные формирования самообороны или другие части. Мне приходилось слышать, что с захваченными в плен партизанами с ними обращались очень жестоко. Я видел фотографии, где людей расстреливали или вешали. У нас был вступать с ними в бой, если они появлялись. Позже, в ходе войны, многие партизанские формирования стали действовать организованно и носили некоторое подобие военной формы, и в таком случае они считались законными комбатантами и подпадали под действие международных конвенций. Когда же они воевали в гражданской одежде, их рассматривали как обычных преступников, которым грозило тюремное заключение или смертная казнь.

Я читал, что после войны несколько дивизий СС обвиняли в многочисленных преступлениях и что многих их военнослужащих судили, однако я не доверяю правосудию победителей. Лично я считаю, что большинство подобных историй либо полностью вымышлены, либо основаны на каком-нибудь незначительном факте, который впоследствии сильно преувеличили. Я был знаком со многими военнослужащими СС из различных дивизий и ни разу не слышал, чтобы кто-либо рассказывал о преднамеренных убийствах или издевательствах. Отдельным вопросом остаётся судьба евреев. Я знаю, что с некоторыми из них происходили тяжёлые вещи и что их помещали в лагеря, которые, как он утверждает, предназначались для их безопасности, но *Ваффен СС* к этому отношения

не имели. Сегодня нас хотят заставить стыдиться своей службы за то, чего мы никогда не делали и не стали бы делать. Я могу подтвердить, что ни мои товарищи, ни я не виновны в этих так называемых преступлениях. Эти обвинения основаны на политической мести и ненависти. Предполагаемым очевидцам позволили рассказать множество историй, которые затем были опубликованы в книгах по всей Европе. Недавно одна газета написала, будто эсэсовцы подбрасывали младенцев и стреляли по ним, как по тарелочкам. Какой абсурд! И всё же всегда найдётся кто-нибудь, кто в это поверит. В другой публикации утверждалось, что немецкие танкисты намеренно переехали через дом, в котором был приют для сирот, раздавив младенцев в кроватках, а затем расстреляли плачущих матерей. Подобные рассказы появляются снова и снова. Я уж не говорю о нелепых историях про концентрационные лагеря. Как я уже говорил, к гражданскому населению мы относились, в худшем случае, безразлично, а в лучшем — доброжелательно и по-дружески. Некоторые мои солдаты даже завели подруг среди русских девушек. Когда это было возможно, они помогали местным крестьянам. В наших сердцах не было ненависти. Исключением была лишь большевистская система, которая, по моему убеждению, уничтожила миллионы людей лишь за несогласие с ней. Именно эти преступления скрываются и замалчиваются.

Каким Вам запомнился конец войны?

Это был полный хаос. Трудно даже представить себе столь стремительный распад государства, какой пережила Германия. Хотя некоторые города продолжали функционировать и не были серьёзно разрушены, основную тяжесть происходящего вынесли на себе обычные люди. В каждом городе находились толпы беженцев, железнодорожное сообщение было нарушено во многих местах, электричество постоянно отключалось. Продовольствия не хватало, хотя полностью оно не исчезло. Если говорить о Гитлере, то он сумел сделать население очень самостоятельным. Люди смогли выжить даже тогда, когда вокруг почти ничего не осталось.

Однажды, после очередного ранения, мне помогла местная семья. Они перевязали мои раны: у них имелись медикаменты, а девушка научилась оказывать первую помощь в одной из молодёжных организаций. Правительство, по моим воспоминаниям, достаточно успешно обеспечивало население продовольствием и поддерживало порядок почти до апреля 1945 года. Позже я снова был ранен и попал в плен, однако сумел бежать. Вскоре меня задержали американцы, и, поскольку я служил в СС, меня арестовали и отправили в Дахау. Обращались с нами довольно грубо: многие американские солдаты были убеждены в нашей особой жестокости. С наших мундиров срывали награды, семейные фотографии отбирали или разрывали. Людей, ещё недавно проявлявших мужество на фронте, психологически ломали, словно детей. Нас заставляли смотреть фильмы о лагерях, снятые союзниками. Ходили слухи, что [в Дахау военнослужащих СС убивали без суда](#), и мы не знали, не станем ли следующими. Кроме того, нам приходилось находиться под охраной бывших заключённых лагерей.

Всё было очень запутанно, поскольку мы совершенно не знали, какая судьба нас ожидает. Мне сказали, что, поскольку я был иностранным добровольцем, меня отправят обратно в Норвегию, где расстреляют. Однако были и светлые моменты. Некоторые американские солдаты относились к нам весьма дружелюбно, угощали сигаретами и передавали запрещённые вещи. Меня это удивляло, хотя подобное происходило нечасто. У нас всё же была поддержка. Существовала очень разветвлённая подпольная сеть, через которую до нас доходили обнадеживающие известия. Мне сообщили, что во время суда мне окажут помощь и что расстрел мне не грозит. Это несколько успокоило мои нервы. Некоторым моим товарищам даже удалось организовать побег и перебраться в другие страны. Некоторые из этих побегов были, по его словам, по-настоящему изобретательными. Американцы удерживали меня около двух лет, после чего отправили обратно на родину. Там меня сразу же вновь арестовали и предали суду. По моему мнению, это было полным

фарсом. Всё, что мы делали, мы делали, как мы тогда считали, во имя Норвегии и по поручению законного правительства, которое принимало нашу присягу. Это были лишь показательные процессы, призванные продемонстрировать победителям готовность новых властей сотрудничать с ними. Многие люди втайне не соглашались с происходящим и передавали нам слова поддержки и ободрения.

Жалеете ли Вы о том, что служили в Ваффен СС?

Нет, не жалею и никогда не буду жалеть. Я следовал своей совести и убеждён, что поступил правильно. Мир тогда находился на историческом перепутье. По моему мнению, Гитлер пытался показать всем, насколько опасен мировой враг, а при его власти Европа впервые за многие поколения стала по-настоящему свободной. Возможно, вам не понравится, что я так говорю, но я считаю это правдой. Даже несмотря на военные ограничения и цензуру, по моему мнению, свобода всё же существовала. Например, у меня были друзья, которые в 1942 году ездили отдыхать на Французскую Ривьеру.

Сегодня меня иногда спрашивают, как я мог служить такому, как говорят, злу, зная о том, что произошло с евреями, но мы лишены возможности рассказать свою версию произошедших тогда событий. Во многих вопросах нам приходится хранить молчание, опасаясь последствий. Я могу лишь сказать, что, по моему убеждению, нам нечего стыдиться. О *Ваффен СС* распространяется множество лживой информации, а поскольку наш главный враг вновь приобрел власть над средствами массовой информации, именно он теперь рассказывает историю так, как считает нужным. Нам остаётся лишь молча молиться о том, чтобы когда-нибудь правда всё же станет известна, чтобы наших погибших товарищей вновь называли героями, а не злодеями. Мы были фронтовыми солдатами, которых призвали защищать Европу от того, что мы считали смертельно опасной идеологией. Именно эта идеология в итоге одержала победу, и сегодняшнее положение дел является её следствием. Мы не совершили ничего такого, за что должны были бы испытывать стыд. Мы выступили против того, что считали злом, и приняли на себя всю тяжесть этой борьбы. Подобно древним *арийцам*, мы стояли до конца и сражались против общего врага.

Слева – Йенсен демонстрирует свои боевые награды; справа – он незадолго до смерти

Из представления к награждению Фредрика Йенсена Германским Крестом в Золоте

21 июля 1943 года противник непрерывно атаковал позиции Батальона Narva и 7-й Ноты в районе Андреевки. Вследствие тяжёлых потерь, понесённых 7-й Ротой, противнику во второй половине дня удалось вклинуться в оборону, используя танки с десантом на броне. Йенсен командовал 2-м Взводом, занимавшим позиции на правом фланге 7-й Ноты. После прорыва вражеская пехота спешила с танков, а вслед за ней в образовавшийся прорыв стали продвигаться новые части противника. Йенсен, находившийся в окопе на левом фланге своего взвода, собрал четырёх ближайших к нему солдат и, несмотря на то что около тридцати военнослужащих противника уже

закрепились в его траншее и в блиндажах, расположенных примерно в 60 метрах за ней, лично повёл их в контратаку. Сначала Йенсен и четверо его бойцов уничтожали противника в блиндажах ручными гранатами. Когда гранаты закончились, они стали использовать магнитные кумулятивные мины и осветительные ракеты, выпускаемые из сигнальных пистолетов. После этого, несмотря на сильный огонь оборонявшегося противника, Йенсен атаковал участок прорыва. В ходе ожесточённого рукопашного боя он постепенно овладел занятой врагом траншеей, нанеся удар во фланг. Когда часть вклинившейся пехоты противника начала отходить, Йенсен, несмотря на то что под его непосредственным командованием к этому моменту оставались лишь два бойца — двое других были ранены, — продолжил преследование противника вплоть до его проволочных заграждений.

Благодаря личной храбрости и решительным действиям Йенсен не позволил противнику расширить участок прорыва, ликвидировал образовавшееся вклинение и предотвратил угрозу полного прорыва обороны.

26 июля 1944 года батальон получил приказ совместно с армейскими подразделениями, примыкавшими к его левому флангу, очистить лес северо-восточнее Бяла-Подляски от противника и открыть движение по шоссе Брест-Литовск — Бяла-Подляска/Biała Podlaska. 7-я Рота наступала на левом фланге батальона. Перед выходом к шоссе противник предпринял контратаку и отбросил подразделения Вермахта, действовавшие слева, частично выйдя в тыл 7-й Роты. Йенсен своевременно оценил возникшую угрозу и, умело руководя своей ротой, сумел с минимальными потерями вывести её из-под удара, перестроить боевой порядок и встретить вклинившегося противника. Для ликвидации прорыва Йенсен принял решение перейти в контратаку. Лично возглавив стремительную атаку своих бойцов, он в ближнем бою отбросил противника и восстановил связь с соседними подразделениями. Тем самым была предотвращена неудача наступления и устранена угроза развития вражеского удара вдоль нашего левого фланга.

3 августа 1944 года 7-я Рота получила приказ занять разрыв между 6-й ротой и взводом дивизии СС Totenkopf к юго-востоку от Михалева. Йенсен вместе с командиром взвода и связным выдвинулся вперёд для разведки местности. Достигнув середины участка, предназначенного для обороны его роты, он установил, что взвод дивизии Totenkopf был отброшен противником, который перерезал шоссе Станиславов — Окунев. Йенсен принял под своё командование бронетранспортёр, находившийся на соседнем участке противотанковой роты Вермахта, и нанёс удар противнику в тыл. Его внезапное появление вызвало замешательство в рядах вражеской пехоты. Отступавший противник уничтожался огнём бортового пулемёта бронетранспортёра. Когда пулемёт заклинило, Йенсен продолжил бой, используя огонь трёх пистолет-пулемётов и ручные гранаты. Отдельные группы противника продолжали удерживать свои траншеи, по которым бронетранспортёр не мог эффективно вести огонь. Быстро оценив обстановку, Йенсен вместе с двумя бойцами покинул бронетранспортёр и уничтожил эту группу противника в рукопашном бою. После этого он вновь продолжил преследование отходившего врага на бронетранспортёре вплоть до реки, которую машина уже не могла преодолеть. В ходе этого боя Йенсен захватил 24 пленных, а также трофеи: четыре тяжёлых пулемёта, шесть лёгких пулемётов, два противотанковых орудия, четырнадцать пистолет-пулемётов, несколько винтовок. Потери противника составили около 40 человек убитыми. После окончания боя Йенсен отправил бронетранспортёр обратно, принял под своё командование взвод и возвратил его на прежние позиции.

21 августа 1944 года противник неоднократно атаковал позиции 5-й Роты, входившей в состав боевой группы Йенсена, в районе Подбоже/Podborze. Во время пятой атаки противнику удалось вклиниться в оборону из-за выхода из строя одного из пулемётов.

Взвод, удерживавший этот участок, был вынужден отойти примерно на 150 метров от прежнего рубежа. Йенсен немедленно лично прибыл к месту прорыва, принял взвод под своё командование и в рукопашном бою отбросил вклинившегося противника. Вскоре после восстановления прежнего положения расчёт одного из пулемётов попал под миномётный огонь противника и был уничтожен разрывом мины. Когда противник приблизился к позициям взвода на расстояние около 50 метров, Йенсен лично занял место у пулемёта и открыл огонь. Этим он сумел отбить очередную атаку противника, после чего противник прекратил наступление.

Памятник советским солдатам в Осло. На установку памятников норвежским нацистам в стране существует строгий запрет...

Источник

www.mourningtheancient.com

<https://forward.com/news/500729/nazi-collaborator-monuments-denmark/>

Перевод – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org

